

Иван Панаев

**Благонамереннейший
господин**

Иван Иванович Панаев
Благонамереннейший господин
Серия «Очерки из
петербургской жизни»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=660115

Аннотация

«Представляю читателю кое-какие наблюдения, сделанные мною в последнее время. Из этих наблюдений в моей фантазии составилась очерк целого лица... Лицо это, впрочем, не новое. Таких лиц много не в одном Петербурге. Лица эти, вообще довольно неподвижные и бесцветные, пришли в движение, приняли особенный колорит и заговорили громко только в последнее время, вследствие некоторых обстоятельств, потревоживших их блаженное существование...»

Содержание

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

4

10

Иван Иванович Панаев

Благонамереннейший

господин

* * *

Представляю читателю кое-какие наблюдения, сделанные мною в последнее время. Из этих наблюдений в моей фантазии составилась очерк целого лица... Лицо это, впрочем, не новое. Таких лиц много не в одном Петербурге. Лица эти, вообще довольно неподвижные и бесцветные, пришли в движение, приняли особенный колорит и заговорили громко только в последнее время, вследствие некоторых обстоятельств, потревоживших их блаженное существование... Я не дам никакого имени моему воображаемому лицу. Пусть каждый из читателей дает ему имя того из своих знакомых, который по характеру, образу воззрения, привычкам и разговорам будет подходить к нему. Его даже можно бы, пожалуй, назвать героем, но только никак не героем нашего времени, потому что он с ужасным ожесточением, почти с пеной у рта, нападает на наше время и вообще на так называемый дух времени, говоря, что этот дух выдуман выскочками, мальчишками, либералами, людьми зловредными, нахватав-

шимися безнравственных идей...

Для большей ясности я должен прежде всего познакомить вас с биографией моего воображаемого лица, или, говоря вернее, с его послужным списком... От роду ему шестьдесят три года, он из дворян, служил сначала в военной службе, в сражениях не был, из полка переведен в комиссариатское ведомство, дослужился до генеральского чина, родового имени – ни одной души, благоприобретенных – тысячу пятьсот; два года перед сим уволен по прошению от службы... Наружность его очень обыкновенная, такого рода господ встречаешь у нас сплошь и рядом: рост средний, сложение тучное, лицо полное и круглое, глазки маленькие и заплавленные, зеленоватого цвета, нос плоский, губы толстые – признак доброты, волосы белокурые с проседью, небольшая лысина; голос резкий, манеры величественные, совершенно генеральские... Он пользуется большою любовью, как своих знакомых, так и сослуживцев, которые считают его прекраснейшим, добрейшим и благонамереннейшим господином... Вследствие этого и я буду также звать его благонамереннейшим господином...

Но чтобы читатель не заподозрил меня в личности и не подумал, что такой формулярный список действительно существует, я покорнейше прошу его придать моему лицу какую угодно физиономию... Он легко может быть пожилым господином, с прекрасным орлиным носом, или сладеньким старичком с накрашенными бровями и бакенбардами, в за-

витом паричке и с неизмеримым лбом... для меня это совершенно все равно, внешняя оболочка ничего не значит, дело в сущности. Он может вместо благоприобретенных 1500 душ иметь родовых – 300, 500, 600, сколько угодно, более или менее... И я вовсе не поставляю непременно условием, чтобы он был на службе в комиссариате и за два года перед сим был уволенным по прошению от службы... Дело не в этом. Оговорившись, я спокойнее продолжаю: Мой благонамереннейший господин получил воспитание в корпусе... в каком, это для читателя все равно... учился он, собственно, не для приобретения знаний, а для того, чтобы поскорей выскочить в офицеры. Вышел он в армию, но вскоре переведен в гвардию, не столько за усердие к службе, сколько за величайшую способность угождать начальству, за строгую подчиненность и примерную нравственность. Нравственность эта заключалась в неумолимой строгости относительно подведомственных ему лиц, в раболепной мягкости относительно тех, от которых он зависел, в аккуратности и в безусловном поклонении всем служебным и общественным преданиям. Благонамереннейший господин не рассуждал сам и не позволял рассуждать другим. Никогда ни малейшая мысль не тревожила его головы, и никогда ни малейшее сомнение не колебало его. Сомнение в чем бы то ни было он почитал делом безнравственным и преклонялся перед каждым фактом, как бы этот факт ни был несправедлив, если только он опирался на предания. В капитанском чине он был переведен в комис-

сариатское ведомство и, действуя на основании предания, не противореча ни в чем принятым обычаям, легко приобрел себе ордена, чины, души, любовь и уважение своих сослуживцев, своего семейства (ибо он богател с каждым годом) и своих сочленов по клубу (ибо играл по большой).

После службы и хозяйственных распоряжений главным его занятием были карты. Читением он не занимался, говорил вообще мало, но иногда одушевлялся, когда разговор касался нравственности или патриотизма... В таких случаях он обыкновенно бил себя в грудь, ударял кулаком по столу и восклицал коротко и ясно: «Тот, кто не патриот, тот просто никуда не годный человек!»... Свои хозяйственные дела он вел примерно и с каждым годом делал какие-нибудь улучшения в своем благоприобретенном имении: выстраивал новый флигель, или баню в готическом вкусе, увеличивал сад, украшал храм божий и тому подобное. Семейство его, состоявшее из жены и двух дочерей, летом всегда проживало в деревне; сам же он приезжал туда на короткое время, потому что служебные обязанности не позволяли ему оставаться долго в деревне.

В часы отдохновения от карт и службы любил он иногда поговорить о своих дворянских достоинствах и преимуществах и не скрывал своего отвращения к другим классам, не признавая ничего общего между дворянином и человеком просто... В человеке не благородном (благородные, по его мнению, были только дворяне) он не призна-

вал ни возвышенного ума, ни замечательных способностей, ни чувства чести, и однажды, когда при нем один престарелый дворянин-стихотворец задал глубокомысленный вопрос: «Почему в наше время не пишут хороших стихов?..», а другой дворянин, из молодых, шутя отвечал: «Оттого, я полагаю, что нынче больше пишут не дворяне», – то мой благонамереннейший герой, несмотря на то, что вовсе не интересовался поэзией, пришел в такой восторг от этого ответа, что обнял отвечавшего, расцеловал его и воскликнул: «Дельно и правда!» В другой раз, когда кто-то сказал ему, что один профессор на лекции объявил, что дворяне отличаются от простых людей тем, что рождаются с белой костью, – герой мой обнаружил желание познакомиться с этим профессором, несмотря на то, что не питал большого уважения к этому званию...

Да не подумает дворянин-читатель, что я подсмеиваюсь над чувствами дворянского достоинства. Сохрани меня боже от такой преступной мысли!.. Я был бы в отчаянии, если бы кто-нибудь вздумал заподозрить меня в том, что я не принадлежу к этому почтенному и привилегированному сословию... Но я искренно желал бы для собственной пользы этого, так сказать, передового сословия, чтобы оно поглубже понимало свои обязанности, свой долг и умело бы возбуждать уважение к себе в других сословиях исполнением этого долга, принося вовремя некоторые личные жертвы в пользу общего... «Noblesse oblige».

Но оставим это лирическое отступление и будем продолжать рассказ.

Мой благонамереннейший господин слыл образцовым хозяином, потому что умел извлекать всевозможные выгоды из своих крестьян и при этом свои сады и парки, устроенные домашними средствами, содержал в примерном благолепии и улаждавшей глаз чистоте... Я сам восхищался этими садами и парками, китайскими беседками и мостиками, готической баней и прекраснейшим домом с бельведером, на котором торжественно развевался флаг с гербом... Внутри дома – порядок и чистота повергали в изумление... нигде ни пылинки; пол как будто языком вылизан, с каким-то янтарным отливом; все подведено под лак и расставлено под аранжир, или симметрически. Военная дисциплина отражалась на всем... Городская квартира его отличалась такою же чистотою, симметричностью и дисциплиной... Все постановлено было в струнку, и все ходило по струнке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.